

ПО ДОЛГУ СОВЕСТИ

К 80-летию со дня рождения Ф. А. Сурганова

Затурканные повседневными неурядицами и всеобщим зудом переоценки прошлого, мы, кажется, все реже и реже вспоминаем о людях, чья жизнь и в сложных изгибах нашего нестабильного бытия пронеслась ярким пламенем, оставив в наших сердцах и на родной земле неизгладимый след. Таким человеком, несомненно, был и остался в памяти народа Федор Анисимович Сурганов, видный государственный и общественный деятель республики, которому — будь он жив — сегодня исполнилось бы ровно восемьдесят лет.

Жизнь подарила этому человеку удивительную судьбу. В 20 лет — агроном, тесно связанный с людьми и землей, в 28 — первый секретарь Горецкого райкома, в неполных 30 — первый секретарь Могилевского обкома, в 31 год — секретарь ЦК комсомола Белоруссии, в 36 — секретарь Минского обкома партии, в 45 — секретарь ЦК КПБ, в 60 — Председатель Президиума Верховного Совета БССР.

Может быть, кому-то из современных «ценителей» и «знатоков» прошлого эта жизнь покажется типичным взлетом незаурядного аппаратчика по служебной лестнице. Так вот, Федору Анисимовичу Сурганову меньше всего были присущи всякие атрибуты аппаратной деятельности. Поднявшись от участкового агронома до поста президента республики, он всю жизнь оставался в гуще народных масс, никогда, даже в суровые годы войны, не порывал глубинных и таких естественных человеческих связей с людьми, обретая в них и силу, и мудрость, и оптимизм.

Родился Федор Анисимович в многодетной крестьянской семье в деревне Судники под Витебском и рано приобщился к нелегкому, но привлекательному труду на сельском подворье, маленьком отцовском клочке земли. Это и предопределило его выбор — быть агрономом, облагораживать и умножать урожайную силу земли. Старожилы Могилевщины помнят, как их комсомольский секретарь в резиновых сапогах ходил из деревни в деревню, долгими зимними вечерами организовывал и проводил агротехнические курсы, а летом становился вровень с пахарем, косарем, сеяльщиком. Таким он и остался в памяти людей 30-х годов —

агроном и активист — пламенный поборник новых форм земледелия.

Как вспоминал позже немецкий журналист Вольфганг Клауснер, «Эти годы можно было бы назвать мирными семестрами, которые товарищ Сурганов провел в политическом институте комсомольской работы. За ними шли тяжелые экзамены войны».

Федор Анисимович выдержал их с честью. Будучи секретарем ЦК комсомола, в качестве уполномоченного Центрального штаба партизанского движения и ЦК Компартии Белоруссии он пешком исходил десятки оккупированных фашистами районов Витебской, Вилейской, Минской, Барановичской областей. В одном из донесений штабу из глубокого вражеского тыла Сурганов писал: «С 12 по 21 ноября (1943 г.) совершил пеший (исключительно) переход из Вилейской области в Барановичскую. Этот переход был сопряжен с определенными трудностями еще и потому, что пришлось форсировать две железные дороги (действующая) — Вильнюс — Минск и Молодечно — Лида, кроме того шесть действующих большаков и шоссежных дорог».

В записке нельзя не заметить тонкого юмора, так присущего Сурганову. Шутка шуткой, а за ней скрывается тяжелый, полный опасностей и риска ратный труд. Кочуя из деревни в деревню, от одного партизанского отряда в другой, Федор Анисимович встречался с комсомольским активом, подпольщиками, участвовал в сражениях, в разработке и осуществлении крупных боевых операций против фашистских гарнизонов, коммуникаций, а в часы затишья — скрупулезная политическая работа (кого подбодрить, кого утешить, кому поднять боевой дух!), выпуск листовок, подпольных газет и рукописных журналов и напряженная боевая учеба. В самые трудные месяцы на фронте партизаны испытывали огромный дефицит в минах, взрывчатке. А фашистские эшелоны совесть не велела пропускать на восток. По инициативе Ф. А. Сурганова в партизанских отрядах вместо подрывников возникли сначала школы, а позже и боевые группы бронбойщиков. Противотанковые ружья скрытно подтягивали к железкам и в упор дырявили паровозные котлы в поездах на ходу. Ос-

тальное было делом дерзких атак.

Ратная эпопея Ф. А. Сурганова в тылу врага увенчалась орденом Ленина.

По-настоящему раскрылось яркое дарование Федора Анисимовича как крупного организатора и вожака масс в послевоенные годы. Восстановление разрушенных и разграбленных врагом городов, сел, предприятий, учебных заведений, учреждений культуры, образования, здравоохранения — ко всему он лично приложил свои заботливые руки, свой опыт и знания.

Как у агронома по образованию и жизненному призванию, предметом особого внимания, я бы сказал обожания, оставались село, аграрный сектор экономики. Так случилось, что в ЦК КПБ, да и в Президиуме Верховного Совета республики он курировал аграрные и социальные вопросы села. Автору этих строк помнится много судьбоносных поворотов в развитии белорусского села, в которых Федор Анисимович сыграл решающую роль. Жличка «Вандея времен перестройки» — первое оскорбление Белоруссии. В годы хрущевской весны ее со всех печатных и руководящих трибун обзывали «травополющицей» за то, что она отказалась следовать взятому тогда в центре курсу на изведение травопольной системы земледелия академика Вильямса. Мало кто знал, а бумаги с директивами центра по искоренению кормовых трав были навсегда заморожены в сейфе Ф. А. Сурганова — второго секретаря ЦК КПБ и, кстати сказать, члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, не убовавшегося тогдашнего всемогущества Н. С. Хрущева. Тем самым кормовое поле Белоруссии не было разрушено и ее животноводческий цех продолжал развиваться и укрепляться, в то время как ниспровергатели трав и системы Вильямса вскоре оказались без молока и мяса.

Столь же решительно восстал он и против уродливого мелиорирования Белорусского Полесья, как одностороннего спуска воды из болот и речек, предлагаемого некоторыми недальновидными учеными и практиками. Им казалось, что стоит избавиться от воды, как бывшие болота сами по себе превратятся в тучные пастбища и колосистые нивы. «Такого не

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке